

КАВКАЗСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

А.М. КУМЫКОВ, Х.Г. ТХАГАПСОЕВ

Россия ныне проходит один из сложнейших этапов своей истории – этап преодоления советского модуса социально-культурного бытия и далеко не во всем удачных социально-экономических реформ, которые, к тому же, разворачиваются в условиях глобализации мира. Эта ситуация ставит страну перед лицом множества новых вызовов и проблем, в числе которых и проблема российской идентичности. В многоэтничной и поликультурной России формирование национальной идентичности, по сути, означающее становление единой нации – сложный, болезненный и противоречивый процесс уже хотя бы потому, что требует трансформации множества идентичностей, что, соответственно, пробуждает множество вопросов. Какие барьеры встают на этом пути? Каковы возможные механизмы их преодоления? И главное – какова роль специфики (специфических особенностей) того или иного этноса и его идентичности в процессах формирования российской национальной идентичности? В этом контексте очевидна актуальность проблемы кавказской идентичности, ее роли и места в общей системе процессов современной российской социально-культурной трансформации.

Последние десятилетия в нашей стране, как известно, отмечены взаимной дистанцированностью социальной науки и реальной политической практики. Исключением из этого правила, по-видимому, явился дискурс идентичности: если тематизация «кризиса идентичности» и поиск ее новых модусов был и остается едва ли ни главным мотивом социально-гуманитарной науки постсоветской России, то обретение «европейской идентичности» изначально стало императивом наших либеральных реформ. В реальной же действительности обширный спектр идентичностей, свойственных российскому социуму, «сработал» таким образом, что сегодня мы имеем, то крайне сложное, противоречивое и многомерное социально-политическое бытие, что имеем. В этом контексте встает вопрос не только о переосмыслении и рациональной корректировке либеральных реформ 90-х годов (что, в общем, и происходит в последние годы), но также и о перепрочтении и пере-осмыслении всей проблематики современных

трансформационных процессов в России в аспекте становления российской национальной идентичности, российской нации. Здесь, как показало время, особое место занимает проблема кавказской идентичности, которая заявила о себе еще на исходе советской эпохи — в 80-е годы — и уже имеет собственную историю, реконструкция которой (хотя бы схематичная) напрашивается по соображениям методологического порядка.

В поисках постсоветской идентичности — между «сциллой различий» и «харибдой общности»

Распад и хаотизация пространства советского бытия, дезорганизация и разрушение советских социальных связей-отношений и последовавшее за этим социально-политическое структурирование постсоветского пространства, а главное — легитимация множества произвольных государственных и административных границ на этом пространстве, происходила, как известно, под знаменем «поиска и «утверждения» идентичности — культурной, этнической, национальной, политической¹⁻³. Поначалу подобное явление было вполне естественной реакцией массового сознания (и его локально-региональных модусов) на неопределенность курса «перестройки». Однако к 90-м годам оно обрело характер агрессивных политических действий по «мобилизации идентичностей», прежде всего этнических, а по сути, характер «войны идентичностей». Об этом как нельзя лучше свидетельствуют особенности развития процессов самоидентификации на постсоветском пространстве. В генезисе этих процессов явно прослеживается два этапа, резко различающихся по доминантным целям, составу лидеров «поиска идентичности» и способов этого поиска. На первом, по сути стихийном и спонтанном этапе — этапе «всплеска» сознания, который развивался больше в форме публицистической активности гуманитарной интеллигенции, доминировали интенции культурного возрождения: «возрождения родных языков», традиций, обычаев, а по сути — интенции к дивергенции идентичностей, к поиску и манифестации их различий («бунт культурных различий»). Но вскоре на смену лингво-культурному этапу поиска идентичностей, пришел другой — этап политизации и мобилизации этнической идентичности, со всеми атрибутами этнополитической активности: с мифологизацией истории¹, уникализацией этничности и сакрализацией этнических ценностей^{2,3}. Это уже выходило далеко за пределы исканий «своей культурной идентичности», по существу являло собой теоретизацию «собст-

венного пути» социально-исторического развития. В этом плане постсоветские социально-политические процессы стали, как уже отмечалось, своеобразной войной – «войной идентичностей» и «террором культурных различий». Крайними формами ее проявления стали чеченский конфликт, феномены непризнанных государств на постсоветском пространстве и узаконенное в масштабах государства притеснение идентичности «иного» – так называемых «не граждан» в Прибалтийских республиках. Однако конфликт идентичностей не сошел с арены вместе острой фазой распада советской социально-политической системы. Он сохраняется и поныне, периодически обостряясь, что болезненно ощущается в российской повседневности, а порой, и весьма масштабно, как это недавно имело место в Кондопоге, Москве на Манежной площади. Именно в этом контексте ставится вопрос о новой фазе российского самоопределения^{4,5}. Особый интерес в этом плане, как уже подчеркивалось, представляет кавказская идентичность, ее роль и место в современных процессах формирования российской национальной идентичности, а по сути – в процессах становления новой России. Речь идет, прежде всего, о путях и способах преодоления бытующей аспектальности интерпретации «кавказской ситуации» и «кавказского фактора» в социально-политическом бытии современной России, а главное – о формировании моделей прогнозирования и механизмов регулирования процессов демократической консолидации российских этносов, иначе говоря – о стратегии движения к созданию российского гражданско-политического общества.

При анализе любой проблемы, как известно, встает вопрос о типе ее сложности и способах адекватного выражения. Проблема «кавказского фактора» и «кавказской ситуации», как нам представляется, требует анализа и осмысления, прежде всего, в категориальности и дискурсах идентичности.

К конфликтности кавказской идентичности: контексты проявления

Серьезным препятствием к объективному анализу этнического бытия и его аспектов (в том числе идентификационных маркеров) является прочно укоренившаяся в нашей отечественной этнологической науке традиция – представлять все этническое лишь статично, к тому же, в позитивных, а то и в героико-драматических тонах и оценках. В прошлом (в советскую пору) неизбежные издержки подобной методологической традиции компенсирова-

лись тем, что этнос и этничность рассматривались как рудименты истории и социального бытия. Но как показало время, «похороны этничности» оказались явно преждевременными – вырвавшись на просторы политической стихии 80 – 90 годов минувшего века она стала едва ли ни самым главным ориентиром и инструментом социально-политического и культурного переустройства бывшего советского пространства, а заодно- и источником особенностей социально-политического бытия современной России. Однако это обстоятельство, как показывают факты, практически не повлияло на базисные установки отечественной этнологической науки (если не считать, что за последние годы она позаимствовала западные модели концептуализации этнического бытия, в том числе и идею-принцип «идентичность») – наша этнология, увы, пока так и остается на позициях комплиментарности в отношении своего объекта, этноса.

Непродуктивность подобной позиции очевидна, поскольку игнорирует то непреложное обстоятельство, что социальный мир (в том числе и мир этноса) – это бесконечная цепь латентных и открытых противоречий и конфликтов, теневых аспектов бытия. Мы научимся распознавать их причины и истоки, находить пути предотвращения и разрешения конфликтов лишь в той мере, в какой будем готовы видеть собственную причастность к происходящему, что называется – готовы и способны «видеть себя в реальном свете». В этом контексте встает один из ключевых для рассматриваемой темы вопросов: «Какие особенности кавказской социально-культурной идентичности становятся источниками тех социальных конфликтов, которые мы наблюдаем в разных весях России, а в масс-медиа увязываются с “лицами кавказской национальности”», их поведенческими установками. На наш взгляд подобных особенностей, по меньшей мере, три:

– активность и действенность горизонтальных (горизонтально-сегментированных) социальных отношений в кавказском социуме;

– эффективность института «старшего», формализованный и ситуационно-ролевой характер старшего;

– коммуникативная активность кавказцев.

Эти особенности кавказской идентичности известны достаточно широко, в частности – коммуникативная активность кавказцев и чрезвычайно значимый характер горизонтальных социальных отношений, что уходит своими архетипическими корнями в традиционные (и ныне значимые) на Кавказе

сегментарно-горизонтальные формы социальной самоорганизации и регуляции в формах рода, тейпа, тухума. Вероятно, более детальных пояснений требует институт старшинства, а точнее его специфические особенности, которые не всегда принимаются во внимание не только «массовым» человеком (россиянином), но и теми, кто занят политическим управлением и процессами российской трансформации.

В стереотипах массового сознания кавказская социальная идентичность всегда ассоциировалась и ассоциируется, прежде всего, с особым статусом и влиянием, властью и привилегированным положением старшего по возрасту («тамады», «старейшины»). На самом же деле институт старшего в системе кавказских этносоциальных отношений в наше время под влиянием объективных обстоятельств (историко-культурного, экономического и политического порядка) претерпел серьезные изменения, в результате чего он («старший») обрел ситуативно-ролевой характер. Иначе говоря, обрел рациональность и мобильность. «Старшим» ныне практический признается и оказывается тот, у кого наибольший ресурс (символический, экономический, властный) в данной группе и в данный момент времени, т.е. тот, кто имеет наибольший шанс ответить на вызовы ситуации (момента). Подобная трансформация института старшего, которая, впрочем, произошла еще в советское время и в общем воспринималась как «унижение», «деформация» и «забвение» этнических традиций (этничности), в эпоху современных либеральных реформ обернулась, как показывают факты, резким ростом адаптивности кавказских этносов к новым, динамичным жизненным ситуациям. Данный пример, вероятно, примечателен и как иллюстрация к диалектике идентичности, которая, будучи ментальной репрезентацией и формой поведения (отождествлением себя с некоей системой идей, ментальных образов, ценностей, форм социальных отношений и поведенческих схем) объективно подвержена влиянию среды, общего социально-культурного контекста и меняется под его влиянием. Конечно же, в мире кавказских этнических культур по-прежнему сохраняется и традиционный модус института старшинства, но теперь, главным образом, во «внутреннем пространстве» этнической культуры: на семейных, родовых, аульных традиционно-ритуальных мероприятиях (свадьбах, приемах гостей, похоронах и т.д.).

Понятно, что в контексте рассматриваемой проблемы, — роли и места кавказской идентичности в современной российской трансформации, — анализ перипетий института старшего носит

не более, чем факультативный (сопутствующий) характер. Главное в другом — как проявляются особенности кавказской идентичности в социальном бытии современной России. Реальные факты показывают, что в тех крайне сложных условиях социального бытия, которые были порождены фундаментальными рыночными реформами и шоковой терапией 90-х годов и сопровождалась социальной атомизацией и массовой аномией российского населения, т.е. в условиях, когда коллективно-групповая (корпоративная) самоорганизация и коллективная мобилизация оказались в остром дефиците на всем пространстве России, отмеченные особенности кавказской социальной идентичности обеспечивали более высокий уровень адаптивности и относительную успешность для ее носителей. Это, естественно, провоцировал приток кавказцев в центральные, экономически активные регионы России, породив в массовом сознании образ «нового номадизма» (нашествия «лиц кавказской национальности»), со всеми вытекающими отсюда непростыми последствиями. Впрочем, следует заметить, что в обеспечении адаптивной успешности выходцев из Кавказа в «эпоху либеральных реформ» решающую роль сыграла не только отмеченная «корпоративная мобильность», сколько порочные механизмы экономических отношений.

Дело в том, что наши либеральные реформы, казалось бы, должны опираться на рационально-мотивированную активность «снизу» и горизонтальные отношения в социуме, изначально (с 90-ых годов) строились сверху и на редкость императивно, как мессианское деяние; фактически строились в «превращенных формах». Соответственно, и плоды этих реформ изобилуют превращенными формами. В итоге социально-политическая среда в современной России, увы, структурирована, скорее, не принцип равных возможностей — самым главным в системе либеральных ценностей, — а олигархизмом, авторитаризмом, этатизмом и эгоистичным корпоративизмом.

При кажущемся, на первый взгляд, разнообразии форм слитности власти и бизнеса, произросших на ниве наших реформ, за ними стоит фактически один и тот же тип совсем не либеральной экономики — экономика коррупции, «данническая экономика». Данническая экономика по понятным причинам падает на плечи конкретных данников, прежде всего «призванных лиц», каковыми часто оказываются те, кого в России ныне именуют «лицами кавказской национальности». Ценность таковых лиц обусловлена и заключается в особенностях кавказской социальной идентич-

ности — в приверженности к традициям дарения и данничества. Рекрут кавказца в вотчины российского чиновника средней руки — от Калининграда до Камчатки и Магадана — вот наиболее типичная форма проявления «успешной» адаптивности кавказцев к современным российским условиям. Это — реальность, которая требует не только системного осмысления, но и преломления на плоскость политической и экономической практики, практики управления процессами современной российской трансформации.

Понятно, что «кавказский рекрут» носит временный и ситуативный характер — он исчезнет из обихода по мере развития экономики, преодоления коррупции, становления развитого гражданского общества в России и роста культуры бизнеса. Однако «кавказский рекрут» имеет и позитивные аспекты, пока не осознанные и не оцененные в должной мере. Дело в том, что Россия ныне вступила в принципиально новую историческую полосу — в полосу качественных (парадигмальных) сдвигов в социально-демографическом бытии, национально-культурной идентичности и цивилизационном устройстве. Если до недавних пор (в советское время) в демографической картине России доминировал мозаичный (гетерогенный) тип расселения этнических социумов (на локальных этнических территориях, мозаично вкрапленных в общее общероссийское пространство), то теперь под давлением обстоятельств, созданных реформами последних десятилетий, российские этносы широким «диффузным фронтом» двинулись практически по всей территории страны, во все ее веси, явно указывая на развертывание принципиально новых демографических процессов, объективно ведущих к становлению нового типа российской социокультурной идентичности. Реально складываются фундаментальные предпосылки к становлению единого российского гражданско-политического сообщества, против чего, увы, направлены ныне активизирующаяся в России этнофобия (которая едва ли ни чаще всего проявляется именно в виде кавказофобии).

Этнофобия, как форма кризиса социальной идентичности

Очевидно, что в условиях жестких вызовов современного мира глубокая культурно-технологическая модернизация и сохранение политической стабильности становятся вопросами исторических судеб России — ее целостности и шансов оставаться значимым актором мирового социально-политического пространства^{4,5}. Но столь же, очевидно и другое — системная

модернизация России и развитие ее по исторически перспективному пути консолидированной нации-государства будут успешны лишь в том случае, если в сознании политического класса страны (политической элиты) и российской интеллигенции будут происходить «опережающие преобразования», которые ориентированы на это. При кажущейся, на первый взгляд, тривиальности такой постановки, неготовность сознания нашего политического класса «принять неизбежные решения» по поводу российской идентичности остается «проблемой номер один» в современной России. Если в отношении технологической и экономической модернизации страны острота проблем идет на убыль (что называется «процесс пошел»), то именно неготовность не только массового сознания, но и политического класса к принятию «неизбежных решений» в сфере национальных отношений, остается одной из острейших проблем современной России, проявляясь, прежде всего в широко распространенных феноменах этнофобии и шовинизма

Если вещи называть своими именами, доминантный этнос страны – русский, который сегодня находится в ситуации политического и социально-культурного вызова стать гражданской нацией в синтезе со всеми этносами Федерации и решить, таким образом, экзистенциальную задачу обеспечения целостности и единства России на перспективу, пока, судя по всему, не готов к этому. Пока еще сохраняется инерция культурно-политических импульсов 90-х годов – интенции массового этнического сознания на «культурное возрождение», что в реальной практике так или иначе оборачивается попытками редуцирования русской культуры к консервативным и, даже, архаическим формам – реанимацией былой субэтнической дифференциации русского этноса (казачества, мещер, поморов и т.д.), ренессансом религиозности. Все это не только дистанцирует русское сознание от всего культурно и этнически «иного» (инородца), но и подталкивает этнические сообщества к «зеркальному» поведению.

Понятно, что культурное самопозиционирование человека и социума – явление объективное и само по себе не влечет негативного отношения к «иным культурам». Но новейшая история России складывалась так, что демонтаж советского уклада жизни в этнических республиках, как уже отмечалось, до сих пор разворачивался и разворачивается, прежде всего, в форме демонтажа культурных связей – отношений, конфликта культур и идентичностей, пробуждая, таким образом, этнофобию.

Этнофобия (особенно кавказофобия) в российском обществе, увы, уже обрела самостоятельную жизнь в информационном пространстве и активно бытует, не только и не столько отражая реальные феномены сознания, сколько навязывая ему нескончаемое «конфликтно-драматическое зрелище» – своеобразный сериал-шоу о лицах «кавказской национальности». Образ «лица кавказской национальности» фактически стал неплохо сбываемым информационно-политическим товаром, бытующим по цинично-прагматическим правилам рынка – минимум затрат (средств, усилий, таланта), максимум прибыли. Этот товар похож необходим множеству малотиражных СМИ (распространенной в России форме малого бизнеса), изначально ориентированных на обывателя, психологически травмированного неудачами и тяжелыми социально-экономическими последствиями наших реформ. Этнофобию подпитывают и те политические силы (партии, движения), которым нечего предложить обществу кроме идеи борьбы с «лицами кавказской национальности», «нелегальными мигрантами» (увы, именно они в восприятии российского обывателя ассоциируются с издержками реформ последних десятилетий).

Но это, актуализирует и проблему выявления потенциала этнических культур к взаимному диалогу, к трансформации и синтезу новой российской идентичности. Кавказские этнические культуры, как показывает анализ, несомненно располагают потенциалом подобного плана, что пока явно недооценивается в практике политического управления современной России.

Культурный «неосинкретизм» как маркер кавказской идентичности

Принято увязывать кавказскую культурную специфику с «лимитрофным», «межцивилизационным» положением региона – на стыке восточных (тюркских), западных (греческой, византийской), южных (персидской, арабской) и северной (русской) культур⁶. Такая методологическая позиция во многом оправдана, когда культурный мир Кавказа рассматривается в диахроническом плане, в плане генезиса. Однако ситуация принципиально меняется при синхроническом анализе современного состояния культурного пространства региона: налицо яркий русско-кавказский/кавказско-русский культурный синкретизм. А что касается влияния и следов других культур и цивилизаций (восточных и ближне-восточных), то они, что называется, лишь едва просматриваются⁷. Системный анализ феномена кавказского

культурного синкретизма выходит за пределы нашей задачи — мы ограничимся лишь репрезентацией его некоторых аспектов, настойчиво заявляющих о себе в маркерной системе кавказской культурной идентичности. Речь идет, прежде всего, о языковом бытии кавказского культурного пространства (мира). Здесь уже с прошлого века монопольным языком социально-культурной коммуникации является русский. Это факт экзистенциального порядка, с которым вынуждены считаться даже ревнители этнической суверенности — русский стал главным языком культуры и образования, бытового общения и политической коммуникации кавказских этносов, средством их причастности к мировому культурному пространству. Если учитывать известную теорему Сепира-Уорфа⁸, которая утверждает, что именно язык определяет (если угодно предопределяет) мироощущение и мировосприятие человека, то четко фиксируемый в кавказских республиках культурный синкретизм и характер этого синкретизма означает дрейф культурного сознания кавказских этносов в логос российской цивилизации. Более того, эмпирически давно и устойчиво фиксируется факт, не требующий комментариев — тексты массовой коммуникации (газет, радио, телевидения), построенные на кавказских этнических языках, как правило, являются кальками русской устной и письменной речи⁹.

В плане культурного синкретизма кавказских этносов, на наш взгляд, заслуживает внимания и культура костюма (одежды). Как известно, именно одежда, более всего, является символом и средством культурного самопозиционирования человека, манифестации идентичности. В обиходе кавказских этносов уже давно доминирует европейский костюм, как и у русского этноса. А что касается национального костюма, то в современной культурной практике кавказцев он не выходит за пределы ритуально-зрелищных и культурно-этнографических действий.

Столь же радикально задето культурным синкретизмом и жилище кавказских этносов — о специфике жилищной культуры на Кавказе можно говорить лишь довольно условно, с предикатами «с учетом горного ландшафта», поскольку облик жилища здесь (в регионе Северного Кавказа) давно стал русско-европейским.

Иное дело — культура питания: ныне ее специфика активно подчеркивается и рекламируется, т.к. она стала предметом прибыльного бизнеса, особенно в российских городах. Но в реальной, повседневной жизни кавказских этносов давно преобладает кухня, мало чем отличающаяся от современной русской, а точнее — от

советской, общепитовской. Представления о том, что на Кавказе на завтрак подается хаш, на обед шашлык, а на ужин хичины с хачапуриями и все это сопровождается обильными потоками экзотических напитков «чача», «арака», «буза» и т.д. имеют мало общего с реальностью кавказского быта и отражают лишь стереотипы, сложившиеся давно (в эпоху «первичных культурных контактов»).

Сегодня переплетение русской и кавказских культур проявляется практически во всех сферах жизни. Но особое место здесь принадлежит профессиональному искусству – классический театр, опера, балет, некоторые формы художественной и музыкальной культуры пришли в кавказское культурное пространство именно из русской культуры и через русскую культуру, став формой интеграции кавказских культур в российское цивилизационное пространство.

Интегративный вектор в отношениях русской и кавказских культур, по сути, фиксируется и в «демографической топологии» региона – русские и кавказцы здесь расселены практически во всех городах и районах диффузно, без территориальных обособлений, без «анклавов» и «гетто».

Вот здесь впору задаться вопросом «Почему вразрез с бесспорными и многочисленными фактами интегрированности кавказцев в русское (российское) культурно-цивилизационное пространство устойчиво бытуют мифы и стереотипы о непроницаемости-герметичности кавказских культур, о средневековых нравах кавказских социумов, формирующие в русском массовом сознании образ мало приглядного «лица кавказской национальности?». Ведь ныне в кавказском культурном ареале, пожалуй, единственной сферой культуры, которая действительно контрастирует с русской (предстает как явно «иное») является, разве что, культура социальной коммуникации.

Она, как уже отмечалось и в самом деле специфична, по меньшей мере, в двух аспектах: ярко ритуализована и подчеркнута демонстрирует мобилизационный потенциал культуры¹⁰, что у непосвященного, вероятно, оставляет ощущение коммуникативной агрессии. Но в последние десятилетия существенные изменения происходят и в этой сфере культуры кавказских этносов, о чем еще пойдет речь.

Гендерный аспект кавказской идентичности как мера общности российского социума

Идентичность, будучи формой социального отношения (но не атрибутом социума), имеет различные модусы проявления

для носителя данного конкретного типа идентичности и для «внешнего наблюдателя». Носитель идентичности соотносит себя со смысловым миром и поведенческой схематикой культуры, с которой связана его идентичность. А «внешний наблюдатель» может судить о чужой ему культурной идентичности (и, как правило, судит) лишь на основе стереотипов – упрощенных, огрубленных, расхожих представлений. Исключением не является и кавказская идентичность – в стереотипах массового российского сознания она окрашена настораживающими красками и тонами экспрессивности, напористости, группой сплоченности и др. При этом, как показывает анализ, в российских стереотипах кавказская идентичность соотнесена главным образом с мужчиной (с мужским поведенческим схематизмом), т.е. практически не «схватывают» и не отражают гендерной специфики. А между тем, кавказская социокультурная идентичность проявляет существенную гендерную специфичность, особенно в сфере межпоколенческих отношений. Суть этой специфики можно определить как гендерную асимметричность социально-культурных отношений. В реальной культурной практике это проявляется, в частности, в форме асимметрии отношений «солидарность – конкуренция» в мужских и женских группах – в среде мужчин, как правило, доминирует конкуренция, в женской же среде – коллективная солидарность, компромисс.

Разумеется, как и любая закономерность, соотносимая с социумом и социальными явлениями, гендерная асимметрия «солидарно-конкурентных» отношений в кавказских социумах носит относительный характер. Однако она довольно устойчиво проявляется в целом ряде феноменов, в том числе в модели семьи и в межпоколенческих отношениях кавказских этносов, порождая ряд культурно-поведенческих особенностей, подлежащих учету, когда речь идет о дискурсе идентичности и межэтнических коммуникациях. О фундаментальном характере гендерной асимметричности социальных отношений в пространстве кавказских этнических культур свидетельствуют, как уже подчеркивалось, и особенности формирования семьи. Здесь модель семьи такова, что женщина «выходит замуж» в буквальном смысле слова – она покидает родительский дом, свой род и переходит в семью мужа, а точнее – под «присмотр» и «управление» матери мужа, поскольку на Кавказе именно «старшая женщина» управляет семьей. В этой ситуации прочность семьи (брака) едва ли ни в первую очередь зависит от того, как строятся отношения не-

вестки и свекрови, каким регулятивным нормам они подчинены. Хорошо известная прочность брака в пространстве кавказских этнических культур указывает на компромиссный, толерантный и солидарный характер этих отношений. В то же время, трудно себе представить такую ситуацию (модель семьи), когда кавказский мужчина (жених) заключая брак переходит в семью своей жены, под «власть» родителей жены, ставя, таким образом, будущее своего брака в зависимость от отношений двух мужчин – зятя и тестя. Такой брак в пространстве кавказских этнических культур воспринимается как маргинальный, ущербный – так срабатывает гендерная асимметричность внутри-социальных отношений.

Необходимо подчеркнуть, что данная гендерная специфика кавказских этнических культур (и кавказской идентичности) проявляется и в форме своеобразной асимметрии межэтнического брака – в подобный брак чаще всего (по разным оценкам – до 90%) вступает кавказец-мужчина. В этом смысле гендерная специфика «размыкает» кавказскую идентичность, создавая предпосылки для интеграции ее носителей в «иные» культурные миры, заодно опровергая представления о «непроницаемости» и «замкнутости» кавказских культур.

Феномен гендерной асимметричности кавказских культур проявился массовым образом в ходе радикальной ломки уклада жизни, обусловленной процессами либеральных реформ и социально-культурной трансформации в современной России. Социально-поведенческие диспозиции кавказской идентичности, в переломный для социальной самоорганизации момент сработали так, что на ролевые позиции «кормильца семьи» вышли женщины.

Это кажется парадоксальным, поскольку принцип «мужчина-глава и кормилец семьи», как всегда считалось, является одним из непреложных аспектов ценностно-смыслового мира кавказских этнических культур. При формально-социологическом подходе все это можно трактовать и как нечто тривиальное – мол, каждое общество отвечает на вызовы времени и объективные обстоятельства как может. Однако, если рассматривать данный факт (эмпирически фиксируемого широко) в общем контексте принципов и норм кавказских этнических культур, то кавказская социально-культурная идентичность и в самом деле предстает в необычном свете. Оказывается, что представления о средневековой застылости кавказской идентичности, о ее консервативности и не подвластности времени, об абсолютной непроницаемости

культурно-смыслового мира кавказских этносов, на которых чаще всего и строятся дискурсы «особости Кавказа», не выдерживают критики — кавказская идентичность принципиально открыта, отличается лабильностью, что особенно ярко проявляется в феномене инверсии гендерных ролей.

Социальная идентичность, будучи сложной, многосоставной и многоуровневой системой-процессом архетипических предрасположений, особенностей мироощущения, нормативно-ценностных ориентиров, поведенческих схем и диспозиций, постоянно эволюционирует и корректируется под влиянием различных факторов и обстоятельств. Исключением в этом плане не является и кавказская социальная идентичность. Выше уже отмечался факт весьма существенной трансформации института старшинства в системе этой идентичности: он ныне стал более рациональным и гибким в контексте требований времени и культурной модернизации; налицо необычный, «кавказский» культурный синкретизм, который можно понимать как объективный этап интеграции и синтеза русской и кавказских культур. Однако неослабевающая активность кавказофобии в российских регионах негативным образом отражается на общей социально-политической ситуации в стране, вновь и вновь напоминая об отсутствии четкой этнополитической стратегии в современной России, стратегии формирования российской национальной идентичности.

К проблеме социального конструирования в стратегиях новой России

Идентичность, как и любая теоретическая концепция (модель) является не более, чем способом идеализации и абстрагирования объекта исследования (познания) и социального регулирования. В этом смысле категория «кавказская идентичность» — это попытка выразить современный срез социального, социально-политического и культурного бытия кавказских этносов в массовом сознании. Попытка представить кавказское этносоциальное бытие как есть — как открытую и динамичную систему (систему-процесс), которая подвержена влиянию различных факторов, обусловленных российским социальным бытием. Ныне главные из них — экономический и социально-трудовой. Дело в том, что Северный Кавказ в силу ряда причин (в том числе и неравномерного развития субъектов Российской Федерации) находится в ситуации нарастающего отставания, — как по темпам, так по и качеству социально-экономического развития, — от средних по-

казателей по стране (не говоря уже о мегаполисах России, которые в этом регионе воспринимаются как «норма новой жизни»).

Но самое главное и опасное заключается в том, что ситуация нарастающего разрыва в уровнях социально-экономического развития России в целом и в кавказских республиках начинает обретать самовоспроизводящийся характер в силу неотвратимого действия следующего замкнутого цикла: высокий уровень инвестиционного риска и инфраструктурная неразвитость отталкивает потенциальных инвесторов (делает южные республики России неконкурентными на рынке инвестиций), а отсутствие масштабных инвестиций ускоряет деградацию производственно-технологического потенциала региона, сдерживая темпы и масштабы решения накапливающихся проблем. Речь идет о появлении своеобразной «петли отчуждения кавказского региона от развития России», «петли нарастающего социально-экономического отката кавказского социального времени».

В этой ситуации необходимы системные действия на политическом уровне — пора начинать расчистку завалов на пути к становлению единого российского, гражданско-политического общества, устраняя при этом и такие конфликтно-превращенные формы социального бытия как «кавказский рекрут», «номады-диаспоры» из граждан собственной страны. Речь идет о создании необходимых условий формирования российской нации, а значит — о политическом (социальном) конструировании в новой России, о возможных формах и масштабах использования подобной социальной практики. На арене научно-философской мысли эта проблема ставится еще шире — о «конструировании хорошего общества» в России¹¹. Пока получается так, что тот негативизм к социальным практикам советской системы, которая, как известно, была завязана на тотальную социальную инженерию и идеологический прессинг, привел нас к другой крайности — к отсутствию сколь-либо значимой и массово разделяемой идеологии и к чрезмерному упованию на механизмы рынка и на их «регулирующую рациональность». Но время показало, а политическая практика последних лет еще и подтвердила необходимость стратегии социального проектирования и конструирования. Объектом такого конструирования и регулирования в современной России, мы убеждены, может и должна стать российская идентичность, если учитывать, что она (идентичность), будучи конструктом сознания, неустранимо содержит мотивационные, т.е. регулируемые аспекты. Более того, поскольку идентичность, как и любой продукт

сознания, носит дискурсивный характер, коммуникация в самом широком смысле (политическая, культурная, экономическая) является реальным инструментом ее (идентичности) формирования и корректировки (впрочем, рациональная коммуникация в современных политических теориях интерпретируется еще шире – как главная основа социальной общности¹²). Цель дискурсивных и проективно-регулятивных (политических) усилий в данном случае очевидна – синтез российских социальных идентичностей.

Понятно, что цель предлагаемого социального конструирования (конструирования идентичности) – это преобразование ментального мира россиянина, социальных и культурных форм его бытия к достижению социальной конвенции в обществе. Ныне это – главный исторический вызов России. А что касается кавказского этнокультурного мира, кавказской идентичности, все данные, свидетельствуют о том, что они обладают (вопреки стереотипам массового российского сознания) лабильностью и адаптивностью, т.е. главными предпосылками к синтезу. Более того, процессы диалога и синтеза русской и кавказских этнических культур, а значит, процессы становления новой, российской идентичности – налицо. Но в постсоветской России они идут стихийно, противоречиво и конфликтно, требуя системного и мотивирующего политического регулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тхагапсоев Х.Г.* Мифогенез в новейшей истории российских этносов // Сб. научных статей «Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе». – Ростов-на-Дону: СКНЦВШ, 2004. – С. 132 – 149.

² *Ачкасов В.А., Бабаев С.А.* Мобилизованная этничность. – СПб., 2000.

³ *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности // Сб. научных статей «Этносоциологические очерки». – М.: Наука, 2003.

⁴ *Красин Ю.А.* Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. 2003. № 1. – С. 124 – 134.

⁵ *Пантин И.К.* Демократия в России: противоречия и проблемы // Там же. – С. 134 – 149.

⁶ *Черноус В.В.* Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. – С. 154 – 167.

⁷ *Боров А.Х., Дзамихов К.Ф., Карамурзов Б.С., Муратова Е.Г.* Социокультурные механизмы северокавказского исторического процесса // Научная мысль Кавказа. 2006. № 4. – С. 19 – 27.

⁸ *Сетир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

⁹ *Тхагапсоев Х.Г.* Коммуникативные особенности бесписьменных культур // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2; О методологии и культуре двуязычия в условиях этнического региона // Вестник ПГЛУ. 1997. – С. 53 – 61.

¹⁰ *Тхагапсоев Х.Г.* О кавказской культурной общности // Вестник РАН. Т. 69. № 2. 1999. – С. 130 – 136; Лектонический тип коммуникации и проблема цивилизационной идентификации Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2001. № 4. – С. 43 – 56.

¹¹ *Федотова В.Г.* Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.

¹² *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000.

Аннотация

В работе на основе методов междисциплинарного подхода анализируется роль и место кавказской идентичности в современных процессах становления единого российского гражданско-политического общества (российской нации). Предлагаются модели и механизмы управляющего воздействия на эти сложные и противоречивые процессы.

Ключевые слова: кавказская идентичность, этнос, ценности, этнофобия, российский социум, межэтнические коммуникации, гендерная асимметрия, социальное конструирование, этническая культура.

Summary

In the given article the role and place of the Caucasian identity in the nowadays formation processes of a united Russian civil and political society are analyzed on the basis of methods of an interdisciplinary approach. Models and control action mechanisms of these complicated and controversial processes are observed.

Keywords: Caucasian identity, ethnos, values, ethnophobia, Russian society, interethnic communication, gender asymmetry, social construction, ethnic culture.